

Ян Орловски

Традиция западноевропейского святочного рассказа в русской литературе XIX века

Studia Rossica Posnaniensia 26, 21-29

1995

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ТРАДИЦИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СВЯТОЧНОГО РАССКАЗА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

TRADITION OF WEST-EUROPEAN CHRISTMAS STORIES IN RUSSIAN
LITERATURE OF THE 19th CENTURY

ЯН ОРЛОВСКИ

ABSTRACT. Christmas stories appeared in Russian literature under the influence of the prose of Andersen and Dickens. They occur in the writing of Dostoevsky, Leskov, Chekhov, Kuprin, Andreev, Gorky and others. Russian writers modified this kind of small writing (with elements of parody and satire) and granted it with distinct Russian colouring.

Jan Orłowski, Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, Instytut Filologii Słowiańskiej,
pl. Marii Skłodowskiej-Curie, 20-031 Lublin, Polska–Poland.

В наше время „святочный рассказ” (иногда его называют „рождественским”) является уже почти забытым, чисто историческим жанром малой прозы. Он процветал в русской литературе второй половины XIX и начала XX веков, привлекал внимание выдающихся писателей, среди которых были Достоевский, Лесков, Чехов, Куприн, Андреев, Сологуб, Ремизов, Горький и многие другие. Формулировка заглавия заставляет оговориться: можно ли считать святочный рассказ отдельным жанром малой прозы? С современной точки зрения можно в некоторой степени в этом сомневаться, но русские писатели второй половины XIX столетия охотно и часто отмечали некоторые свои произведения эпитетом святочный или рождественский рассказ.

Святочные рассказы возникли в условиях социального неравенства, их целью было пробуждение человеческой совести и сочувствия богатых к нищим, которым надо было оказать помощь и утешение хотя бы один раз в год. Эту черту подобных рассказов отметил Максим Горький, когда в воспоминаниях о Леониде Андрееве писал о том, как весной 1898 года прочитал его *Баргамота и Гараську* – „пасхальный рассказ обычного типа; направленный к сердцу праздничного читателя, он еще раз напоминал, что человеку доступно – иногда, при некоторых особых условиях – чувство вели-

кодушия и что порою враги становятся друзьями, хотя и ненадолго, скажем – на день...”¹.

Святочный рассказ проник в Россию с Запада. Он процветал особенно в английской (Чарлз Диккенс, Морлей Робертс и др.) и скандинавской литературе (Ханс Кристиан Андерсен, Сельма Лагерлеф). Классическими образцами святочного рассказа являются *Девочка со свечками* (1845) Андерсена и *Рождественская песнь в прозе* (1843) Диккенса². В них даны две модели фабульной развязки этой разновидности жанра. У Андерсена сирота беспомощно замерзает на улице бездушного города в морозную рождественскую ночь (трагическая модель), у Диккенса бездушный скряга в атмосфере праздника рождества превращается в добрейшего и отзывчивого „рождественского” дедушку (сентиментальная модель). Английский писатель в своих святочных рассказах переносил их действие в большой город с типичными для него социальными противоречиями. Он создал жанр сентиментальной повести, герои которой стремятся к добру. К этому побуждает их именно праздник рождества Христова.

Появление святочного рассказа в русской литературе, в наиболее характерном для него виде, связано с именем Федора Достоевского. В его *Мальчике у Христа на елке* (1876) полностью отразились художественные черты, восходившие к традиции святочных рассказов Диккенса и Андерсена. Этот рассказ появился в январской книге *Дневника писателя* за 1876 год. В своей тогдашней публицистике (*Дневник писателя*) и записных тетрадях Достоевский уделял очень много внимания русским детям, трагические судьбы которых, как известно, отразились во многих его художественных произведениях.

Создавая *Мальчика у Христа на елке*, Достоевский опирался как доказал Георгий Фридендер – на сюжет стихотворения *Елка* сироты немецкого поэта Фридриха Рюккерта и на собственные наблюдения³. В статье Г. М. Фридендера и в комментариях к названному произведению Достоевского подчеркивается однако следующее:

„Как показывает сопоставление рождественского стихотворения Рюккерта и рассказа Достоевского, они идейно и художественно несоизмеримы: воспользовавшись довольно традиционным святочным сюжетом баллады Рюккерта как канвой для собственного рассказа, Достоевский создал оригинальное художественное про-

¹ См. примечания в кн.: Л. Н. Андреев, *Повести и рассказы в двух томах*, т. I, Москва 1971, с. 652.

² Оригинальное заглавие: *A Christmas Carol in Prose*.

³ См. Г. М. Фридендер, *Святочный рассказ Достоевского и баллада Рюккерта*. В: *Международные связи русской литературы*, под ред. М. П. Алексеева, Москва–Ленинград 1963, с. 378.

изведение, глубоко национальное, петербургское по содержанию и притом очень далекое от стихотворения Риккерта по тону и колориту, стилю и языку”⁴.

Наблюдая жизнь петербургских детей, Достоевский довольно часто записывал свои впечатления в записных тетрадях. Они точно отразились в рассказе *Мальчик у Христа на елке*, в первой части которого („Мальчик с ручкой”) читаем:

„(...) Перед елкой и в самую елку перед рождеством я все встречал на улице, на известном углу, одного мальчишку, никак не более как лет семи. В страшный мороз он был одет почти полетнему...”

Уже в этих словах создана типичная для святочного рассказа обстановка. Его сюжет начинался следующим образом:

„Мне все мерещится, что это где-то и когда-то случилось, именно это случилось как раз накануне рождества, в каком-то огромном городе и в ужасный мороз.

Мерещится мне, был в подвале мальчик, но еще очень маленький, лет шести или даже менее. Этот мальчик проснулся утром в сыром и холодном подвале. Одет он был в какой-то халатик и дрожал”.

Этот сюжет продолжил писатель по образцу традиционных святочных рассказов. Маленький герой выходит на улицу просить подаяния, встречает толпу сытых, довольных и равнодушных людей, входит в какой-то большой освещенный зал с елкой, где раздавали детям подарки. Его прогнали оттуда, он спрятался в каком-то грязном дворике, где вскоре замерз. Перед смертью чудилось ему, что его пригласили на елку у Христа, где он увидел много таких же нищих детей.

Достоевский, сохраняя выразительный петербургский и национальный русский колорит, удачно воспользовался, притом условной, формой рождественского рассказа, образцы которого были тогда уже широко распространены в западноевропейской литературе. *Мальчика у Христа на елке* можно считать классическим и образцовым примером святочного рассказа в русской литературе. Однако этот вид рассказа занял лишь незначительное место в огромном литературном наследии Достоевского.

Совершенно по-другому подошел к художественным возможностям рождественских рассказов современник Достоевского – Николай Лесков. В 1886 году он издал отдельный сборник *Святочные рассказы*, в который вошли: *Жемчужное ожерелье*, *Зверь*, *Дух госпожи Жанлис*, *Маленькая ошибка* и другие. Многообразные сюжеты некоторых произведений, вошедших в названный сборник (напри-

⁴ См. примечания в: Ф. М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, т. 22, Ленинград 1981, с. 323.

мер, *Штопальщик*, *Путешествие с нигилистом*, *Белый орел*, *Старый гений*), не напоминают традиционных святочных рассказов и их условно лишь можно к ним отнести. В них иногда только время повествования происходит в рождественский или новогодний вечер.

Лесковские святочные рассказы создавались, главным образом, в 1880-ые годы. Бывало время, когда к рождеству Христа Лесков – по заказу редакторов или по своей инициативе – писал больше чем один рассказ такого вида. Об этом свидетельствует его письмо от 17 декабря 1880 года, адресованное Ивану Аксакову, в котором автор сообщил:

„(...) гоноу всемерно спешно рождественский рассказ для Суворина и 20-21 сдам; а затем, если хотите – могу написать и прислать Вам к Новому году тоже маленький же рассказ (сибирское предание) „Как Христос на рождество к мужику в гости зашел”⁵.

Работая над святочными рассказами, Лесков вскоре заметил все тематические ограничения и скудность их фабулы. В этом убеждает нас его святочный рассказ *Жемчужное озерелье* (1885), в котором герои ведут интересную дискуссию о недостатках этого жанра. Они, конечно, выражают взгляды самого Лескова и отражают его тогдашние художественные искания. Поэтому стоит здесь подробнее разобрать этот рассказ, который по сути дела является характерным для наследия Лескова сказом и только в некоторой степени напоминает рассматриваемый здесь жанр малой прозы.

В начале этого произведения, в котором ведет повествование один из его персонажей, говорится о том, как „в одном образованном семействе” была проведена за чаем интересная беседа о литературе, о вымысле и фабуле. Участники беседы пришли к заключению, что фабулы произведений Диккенса „не страдают скудностью содержания”, но нельзя этого сказать о его святочных рассказах. Вот замечание одного из собеседников на эту тему:

„– Исключение составляют разве только одни его святочные рассказы. И они, конечно, прекрасны, но в них есть однообразие; однако в этом винить автора нельзя, потому что это такой род литературы, в котором писатель чувствует себя невольником слишком тесной и правильно организованной формы. От святочного рассказа непременно требуется, чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера – от рождества до крещения, чтобы он был сколько-нибудь фантастичен, имел какую-нибудь мораль, хоть вроде опровержения вредного предрассудка, и наконец – чтобы он оканчивался непременно весело. В жизни таких событий бывает немного, и потому автор неволит себя выдумывать и сочинять фабулу, подходящую

⁵ См. С. Лесков, *Собрание сочинений*, т. 10, Москва 1958, с. 475. Рассказ Лескова под заглавием *Христос в гостях у мужика* был опубликован в журнале „Игрушечка” 1881, 1.

к программе. А через это в святочных рассказах и замечается большая деланность и однообразие”⁶.

Против такого мнения возражал другой собеседник. По его словам – „святочный рассказ, находясь во всех его рамках, все-таки может видоизменяться и представлять любопытное разнообразие, отражая в себе и свое время и нравы”.

По наставанию всех собеседников рассказчику пришлось тут показать – „такое событие из современной жизни русского общества, где отразился бы и век и современный человек, и между тем все бы это отвечало форме и программе святочного рассказа, то есть было бы и слегка фантастично, и искореняло бы какой-нибудь предрассудок, и имело бы не грустное, а веселое окончание”.

После этого вступления Лесков старался практически доказать возможность такого именно видоизменения формы святочного рассказа. С характерным для таланта писателя юмором рассказчик повествует о том, как приехал к нему на святки его холостой брат и обратился с просьбой, чтобы его немедленно женить. Вскоре нашли невесту, Машу Васильеву, дочь богатого, но скупого мещанина, который выдал раньше замуж старших дочерей, не дав им обещанного приданого. Возникли опасения, что и Маша ничего не получит, тем более, что к рождественскому празднику отец подарил ей красивое жемчужное ожерелье, но из фальшивого жемчуга. Новый жених, однако, не думал о приданом, он женился только по любви. Этим бескорыстием тронул каменное сердце отца-сквалыжника, который и Маше и старшим ее сестрам дал по пятьдесят тысяч рублей приданого.

Анализируемый тут сказ заканчивает Лесков словами:

„ – Вот вам весь мой рассказ, – заключил собеседник, – и я, право, думаю, что несмотря на его современное происхождение и на его невымысленность, он отвечает и программе и форме традиционного святочного рассказа”.

Как видно, Лесков отошел от фантастики и шаблонности содержания классических святочных рассказов. Не вводил он в сюжет произведения нищих и сирот, живущих в бедности и замерзающих в зимнюю рождественскую ночь. Его герои богаты и сыты. Писатель воспользовался в *Жемчужном ожерелье* только некоторыми постоянными элементами фабулы святочного рассказа: действие здесь происходит тоже в святки, рождение Христа и здесь смягчает совесть богатого скряги, который решается, наконец, выполнить свой родительский долг по отношению к своим дочерям.

⁶ Н. С. Л е с к о в, *Собрание сочинений*, т. 7, указ. изд., с. 433. Следующие цитаты из *Жемчужного ожерелья* по тому же источнику.

Своеобразие святочных рассказов Лескова можно увидеть еще на одном примере, которым является сказ *Зверь* (1883), названный автором „рождественским рассказом”. В этом произведении повествуется о жестоком русском барине, который никого никогда не прощал, провинившихся слуг беспощадно наказывал и любил развлекаться травлей прирученных медведей. Однажды в день рождества Христова устроил для гостей травлю медведя, но по вине доезжачего Ферапонта зверь растерзал несколько охотничьих собак барина и убежал в лес. Вечером все гости собрались у елки и ждали страшного наказания злополучного слуги. Призванный доезжачий бросился на колени перед барным, а тот неожиданно велел ему подняться и сказал: „Ты любил зверя, как не всякий умеет любить человека. Ты меня этим тронул и превзошел меня в великодушии. Объявляю тебе от меня милость: даю вольную и сто рублей на дорогу. Иди куда хочешь”. В эпилоге узнаем, что через некоторое время этот барин поселился в Москве, занялся благотворительной деятельностью, и там „словно чудом умел узнавать, где есть истинное горе, и умел туда поспевать вовремя”.

Лесковский *Зверь* оказывается нетрадиционным, но все-таки святочным рассказом. Пробуждение совести у героев этих рассказов Лескова совершается обязательно в святки и преимущественно не под воздействием самой атмосферы рождественской ночи, как в традиционных святочных рассказах других писателей, а скорее под благотворным влиянием высоконравственного поступка другого человека – в котором выражается очевидное моральное превосходство нищего над богатым и слабого над сильным. Разбираемый здесь святочный рассказ Лескова и говорит именно о том, как „зверь” превратился в очень хорошего человека.

Автором многих святочных рассказов является Антон Чехов. В его творчестве находим рождественские рассказы (*Елка*, *Кривое зеркало*, *В рождественскую ночь*, *Ванька*, *Сапожник и нечистая сила*), новогодние (*Орден*, *Либерал*, *Мошенники поневоле*) и, наконец, пасхальные (*Святою ночью*, *Закуска*, *Лист*). Самых только рождественских рассказов можно в наследии Чехова назвать не менее десяти. Некоторые из них создавались по специальному заказу редакторов журналов и газет. Свидетельствует об этом письмо, с которым Алексей Курепин, редактор сатирического еженедельника „Будильник”, обратился к Чехову 11 декабря 1883 года:

„Редакция «Будильника» надеется, что Вы не забыли свое обещание – дать что-нибудь хорошенькое для декабрьских номеров (...). Не вдохновят ли Вас святки или Новый год?”⁷

⁷ А. П. Чехов, *Собрание сочинений в двенадцати томах*, т. 2, Москва 1954, с. 485.

Наиболее известным и трогательным чеховским святочным рассказом является *Ванька*. Кто же не помнит его первого предложения: „Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отдаленный три месяца тому назад в ученье к сапожнику Аляхину, в ночь под рождество не ложился спать”. Отказываясь от всякой фантастики, автор представил безнадежную судьбу деревенского сироты, у которого „жизнь, хуже собаки всякой”. Чехов использовал здесь все типичные мотивы традиционного святочного рассказа – жизнь маленького сироты в чуждом ему городе, рождественская ночь, воспоминание героя о прошлогодней елке. В открытом финале рассказа Чехов не создает дешевой картины минутного счастья, которое иногда находят герои святочных рассказов у других авторов. Неумело адресованное письмо Ваньки не дойдет до бабушки в деревню, тот не узнает о его судьбе и не возьмет его обратно к себе.

Фантастические мотивы использовал Чехов в святочных рассказах *Сон* и *Сапожник и нечистая сила* (1888). В них выразились характерные для этого жанра идейно-этические тенденции. Но Чехов, следуя натуре своего таланта, писал также и сатирические святочные рассказы, к которым принадлежит прежде всего юмористическая миниатюра *Елка* (1884). Чехов писал святочные рассказы с 1882 по 1900 год. Он проявил оригинальный и творческий подход к этому популярному в свое время жанру беллетристической прозы, создавая и образцовые формы святочных рассказов (*Ванька*), а также их пародии (*Страшная ночь*) и юмористические варианты (*Елка*, *Сон*). Среди классиков русской прозы XIX века Чехов сильнее и выразительнее всех увлекался святочным рассказом, форму которого сумел мастерски обогатить, преодолев традиционные шаблоны фабулы и тематики этой разновидности жанра.

Известный прозаик Александр Куприн уделял святочным рассказам гораздо меньше внимания, чем Лесков или Чехов, но и он все-таки написал их несколько (*Жизнь*, *Миллионер*, *Чудесный доктор*, *Путаница*). По всем классическим канонам этого жанра создан, однако, только *Чудесный доктор* (1897). В созданном автором образе находим нищую семью, больных и голодных детей, недоступные им елки в окнах богатых домов, случайную встречу с доктором, оказавшим помощь несчастной семье Мерцаловых. *Чудесный доктор* Куприна является рассказом о человеческой совести и отзывчивости на чужую нужду и страдание. Он утверждал веру в чудотворную силу добра.

Первые рассказы Леонида Андреева, как известно, связаны с традициями реалистической русской прозы XIX века. Они проникнуты пафосом социального протеста против несправедливости, морального лицемерия и унижения человека. Эта социально-психологическая насыщенность ранней прозы писателя проявилась также и в

его пасхальных (*Баргамот и Гараська, Гостинец*) и рождественских рассказах (*Ангелочек, В темную даль*).

Наиболее интересным примером святочного рассказа в творчестве Андреева является *Ангелочек* (1899). Героем рассказа является исключенный из гимназии и озлобленный на всех мальчик Сашка. Рождественский праздник пробуждает, однако, и в нем хорошие чувства. Попавши на елку в одной семье, он старается принести оттуда больному отцу красивого ангелочка из воска. Атмосфера праздника и отзывчивость сына пробуждают у отца мысли о другом мире, не похожем на окружающую действительность и его горький жизненный опыт. В финале рассказа отразился характерный для Андреева пессимизм его мировоззрения. Повешенный у печки восковый ангелочек скоро растаял, принес он героям только минутную иллюзию счастья. В святочных рассказах Андреева день рождения Христа всегда пробуждает хорошие чувства в людях и обычно вносит луч света в их семейную жизнь.

Максим Горький тоже написал несколько святочных рассказов в ранний период своего творчества (*Извозчик, Навождение, Старый год, В сочельник* и др.). Его святочные рассказы далеки от их традиционного содержания. Польский исследователь Антоний Кмита считает горьковский рассказ *О мальчике и девочке, которые не замерзли* (1894) антирождественским, полемическим в сопоставлении с *Мальчиком у Христа на елке* Достоевского⁸. Маленькие нищие герои Горького Мишка и Катя действительно не замерзают на улице, где просят подаяния. В рождественский вечер они идут в грязный кабаk и на свои деньги покупают себе колбасу. Здесь им хорошо и огорчает их только мысль о том, что надо возвращаться опять к ворчливой тете, которая будет издеваться над ними и отнимет у них остальные копейки. Мишка из этого рассказа не жалкий и беспомощный сирота, он – типичный герой Горького, сам берет судьбу в свои руки и не рассчитывает на чужую филантропию.

Моральные проблемы „больной совести” и смысла жизни тогдашнего русского мещанства затронуты писателем в святочных рассказах *Навождение* (1896) и *В сочельник* (1899). У героев Горького рождественский праздник является предлогом для морального суда над собой и над своим жалким существованием. Это особенно видно в образе купца Фомы Мосолова (*Навождение*), который не знает, как разумно использовать свои миллионы. Горький – как видно – решительнее и дальше чем другие русские писатели отошел от модели традиционного святочного рассказа, полностью преодолел

⁸ A. K m i t a, *Maksym Gorki a opowiadania wigilijne*. B: O literaturze rosyjskiej. Wybór artykułów z czasopisma „Język Rosyjski”, Warszawa 1987, s. 213-224.

его филантропическую тенденцию, морализацию и слащаво-сентиментальную окраску.

Святочный рассказ, заимствованный из западноевропейской литературы, нашел в России благоприятную почву для себя и дал здесь весьма обильный литературный урожай. Его форму использовали в своем творчестве выдающиеся писатели и второстепенные беллетристы. Русские авторы обогатили этот вид рассказа национальным содержанием и колоритом, заметили и преодолели его шаблонность, односторонность тематики и ограниченность фабулы. Сам этот жанр с формальной точки зрения давно уже исчерпал свои художественные возможности. Не устарели, однако, этические ценности многих святочных рассказов, обращенных всегда к человеческой совести и отзывчивости. Русские святочные рассказы наглядно показывают, сколько общих начал и корней находится в религиозно-моральных понятиях христианских народов и общеевропейской культурной традиции.